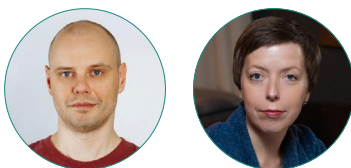

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1598

С. И. Поляков, Ю. В. Епанова

РАДИКАЛИЗАЦИЯ И НЕРАВЕНСТВО В НАРРАТИВАХ ВТОРОГО ГОРОДСКОГО ПОКОЛЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Правильная ссылка на статью:

Поляков С. И., Епанова Ю. В. Радикализация и неравенство в нарративах второго городского поколения мусульманской северокавказской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 269—294. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1598>.

For citation:

Polyakov S. I., Epanova Y. V. (2020) Radicalization and Inequality in the Narratives of the Second Urban Generation of Muslim Youth from the North Caucasus. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 269—294. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1598>.

РАДИКАЛИЗАЦИЯ И НЕРАВЕНСТВО В НАРРАТИВАХ ВТОРОГО ГОРОДСКОГО ПОКОЛЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ПОЛЯКОВ Святослав Игоревич — аспирант Аспирантской школы по социологическим наукам, научный сотрудник Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: spoliakov@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0652-6364>

ЕПАНОВА Юлия Валентиновна — кандидат культурологии, доцент Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: epanova77@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0759-5102>

Аннотация. Одной из ключевых тем в теоретических дебатах о причинах радикализации является ее связь с неравенством. При этом исследователи рассматривают воздействие как объективного неравенства, под которым понимаются структурные ограничения в доступе определенных социальных групп к экономическим, политическим и культурным ресурсам, так и субъективного неравенства, то есть несправедливого в восприятии членов сообщества распределения указанных ресурсов.

В статье на материале 21 полуструктурированного глубинного интервью с молодыми людьми с Северного Кавказа исследуются смыслы, приписывае-

RADICALIZATION AND INEQUALITY IN THE NARRATIVES OF THE SECOND URBAN GENERATION OF MUSLIM YOUTH FROM THE NORTH CAUCASUS

Svyatoslav I. POLYAKOV¹ — Postgraduate Student at the Doctoral School of Sociology; Research Fellow at the Centre for Youth Studies

E-MAIL: spoliakov@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0652-6364>

Yulia V. EPANOVA¹ — Cand. Sci. (Cult.), Associate Professor at the Saint-Petersburg School of Social Sciences and Area Studies

E-MAIL: epanova77@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0759-5102>

¹ National Research University Higher School of Economics in St Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Abstract. One of the key problems in the theoretical debate about the reasons behind radicalization is its relation to inequality. However, researchers tend to view this relationship both as objective inequality referring to structural restrictions for certain social groups to access economic, political and cultural resources and as subjective inequality, i.e. unequal distribution of resources within a community as perceived by community members.

The paper uses the results of 21 semi-structured in-depth interviews with young people living in the North Caucasus and investigates the meanings attributed to Muslim radicalization and its relation to different dimensions and interpretations of inequality. The authors

мые исламистской радикализации, и ее взаимосвязи с различными измерениями и пониманиями неравенства. Авторы приходят к выводу, что в нарративах религиозная радикализация внутри Северо-Кавказского региона связана с воспринимаемой несправедливостью и рассматривается информантами как кумулятивная реакция на притеснения религиозной молодежи в результате мер по борьбе с терроризмом. Радикализация северокавказской молодежи с опытом миграции за пределы региона связана с горизонтальным неравенством и трактуется как реакция на ситуацию двойного исключения — со стороны общества, в котором социальные лифты заблокированы этнической и религиозной ксенофобией, и со стороны родительской семьи, стремящейся контролировать своих младших членов и навязывающей им собственные представления о самореализации и карьере.

Ключевые слова: радикализация, неравенство, второе городское поколение, миграция, милье

Благодарность. Статья основана на материалах международного исследовательского проекта «Диалог о радикализации и равенстве», получившего финансирование в рамках программы исследований и инноваций HORIZON-2020 Европейского союза в соответствии с соглашением о гранте № 725349.

Настоящая публикация отражает только точку зрения авторов. Европейская Комиссия и Исполнительное агентство по исследованиям не несут ответственности за любую информацию, содержащуюся в ней.

conclude that according to the narratives the North Caucasus religious radicalization is connected to the perceived injustice and seen by the informants as a cumulative response to oppression of religious youth resulted from the counter-terrorism measures. Radicalization in the North Caucasus beyond the boundaries of the region is related to horizontal inequality and interpreted as a reaction to double exclusion (on the part of society where social elevators are closed because of ethnic and religious xenophobia and on the part of the family of origin striving to control its junior members and imposing the family's own views on self-actualization and career).

Keywords: radicalization, inequality, second urban generation, migration, milieu

Acknowledgments. This article is part of the international research project 'Dialogs about Radicalisation and Equality (DARE)'. This project has received funding from the European Union's Horizon 2020 research and innovation programme under grant agreement no. 725349.

This publication reflects only the views of the authors; the European Commission and Research Executive Agency are not responsible for any information it contains.

Введение

Проблема исламского радикализма — важная составляющая публичного дискурса во всем мире. В России ключевая роль в этом дискурсе отводится Северному Кавказу как региону, который понимается как наиболее проблемный с точки зрения эскалации исламистского насилия. При этом как в России, так и во всем мире именно молодежь рассматривается как группа, находящаяся в зоне повышенного риска радикализации, в силу чего она становится объектом особенно внимательного контроля и государственной политики по противодействию экстремизму.

Исследования радикализации стремятся выявить причины, которые приводят к распространению радикальных идей и переходу к насильственным действиям как форме их отстаивания [Bizina, Gray, 2014; Pargeter, 2009]. При этом поиск объяснительных моделей и факторов ведется как на макро-, так и на микроуровне. Одним из ключевых направлений этого анализа является изучение роли неравенства в радикализационных процессах. В фокусе внимания оказываются как факторы объективного политического, экономического и социального неравенства [Ali, Li, 2016; Krieger, Meierrieks, 2016; Bove, Böhmelt, 2016; Ismail, Amjad, 2014], так и роль субъективного неравенства или воспринимаемой несправедливости [Doosje, Loseman, van den Bos, 2013; Jensen et al., 2016].

Последнее направление подчеркивает, что объективная ограниченность доступа к различным ресурсам и каналам социальной мобильности является лишь потенциальной основой радикализации, однако именно интерпретация этой ситуации как несправедливой становится основным драйвером, который может подтолкнуть к переходу к радикальным действиям. Признание важности субъективного восприятия неравенства в процессах радикализации заставляет отказаться от попыток построения единой модели процесса радикализации или поиска ее универсальных факторов, так как интерпретация несправедливости зависит от особенностей исторического, регионального, политического и экономического контекстов.

Исследование проводилось в рамках международного проекта «Диалог о радикализации и равенстве» (DARE), который стремится понять, как молодежь реагирует на радикальные призывы. В центре внимания также — роль социального и физического окружения в процессах радикализации и дерадикализации. Одним из направлений анализа стали кейс-стади различных молодежных милье. В российском кейсе в качестве такого милье было выбрано второе городское поколение мусульманской молодежи Северного Кавказа.

Исследователи, изучающие процессы (ре)исламизации и радикализации в мигрантских сообществах Запада, выделяют парадокс второго поколения: дети и внуки мигрантов первой волны чаще, чем их родители, выбирают ислам в качестве своей основной культурной идентичности и начинают поддерживать его политизированные версии [Ganor, 2005; Bizina, Gray, 2014], что объясняется особенностями их социального опыта. В нашем милье речь идет о разделяемом опыте ограничения доступа к ресурсам — работе, властным позициям, карьере и т. п. В регионе Северного Кавказа это связано со сложившейся системой ограничения меритократической мобильности принципами клановости и семейственности в распределении ресурсов. За пределами региона причиной ограничений стано-

вится дискриминация по этническому принципу. Кроме того, переезд молодежи из сёл в города разрушает привычные родственные и дружеские социальные сети. В результате молодежь оказывается вне рамок традиционного социального контроля, в котором большую роль играют родство и соседство. Молодые люди вынуждены выстраивать новые сети. В условиях миграции в российские города, расположенные за пределами Северного Кавказа, эти новые социальные сети зачастую складываются на основе общей этничности — в дворовых компаниях, в спортивных клубах по вольной борьбе, в студенческих этнических землячествах, кружках изучения ислама и т. п. При этом миграция не ослабляет, а зачастую усиливает мусульманскую идентичность молодых северокавказцев. Религия становится единственным прочным фундаментом «нормальности» в ситуации, когда все вокруг служит указанием на твою «чуждость», «инаковость» и даже «девиантность». Сочетание этих факторов может стать основой для распространения среди участников выбранного милье радикальных идей и призывов.

Таким образом, в данном исследовании поднимается тема изучения представлений о связи неравенства и радикализации в нарративах второго городского поколения мусульманской северокавказской молодежи.

В статье рассматриваются ключевые теоретические концепты исследования (радикализация, неравенство, милье), исторический и региональный контекст исламской радикализации на Северном Кавказе и результаты исследования.

Радикализация, неравенство, милье

Так как проект DARE носит междисциплинарный характер, включает множество направлений исследований и реализуется исследовательскими командами из разных стран, отдельным направлением работы стала формулировка ключевых концептов для обеспечения общности языка и понимания всех участников исследования. Значимыми в рамках данной статьи являются понятия «радикализация», «неравенство» и «милье».

На данный момент не существует единой трактовки термина **«радикализация»**, однако чаще всего речь идет о процессе, в рамках которого отдельные лица или группы начинают усваивать ценности или совершать действия, которые поддерживают насилие как метод достижения экстремистских целей. Именно такое понимание используется в рамках проекта [Pilkington, 2019]. В числе принципиальных аспектов данного подхода — во-первых, рассмотрение радикализации в *относительном*, а не абсолютном смысле. Это означает, что радикализация понимается как *процесс* любого смещения в сторону радикальной позиции, а не конечный результат этого движения, выражающийся, например, в терроризме или насильственных действиях [Sedgwick, 2010]. Во-вторых, необходимость аналитически различать *два уровня* в радикализации — уровень идеологии (установок и ценностей) и уровень поведения [Schmid, 2013: 18]. В-третьих, признание *агентности* участников сообщества, предполагающее, что радикализация — это «что-то, производимое активными участниками, пытающимися осмыслить себя и свой мир» [McDonald, 2018: 15], и она воплощена в социальную жизнь посредством «практики, основанной на социальной жизни и конкретных действиях» [Pilkington, 2016: 202].

Неравенство представляет собой объективно неравное или субъективно воспринимаемое как несправедливое распределение ценных ресурсов, власти, шансов (таких как доход, здравоохранение, образование, занятость, политическое представительство, юридические и гражданские права) или пробелы в доступе к возможностям [Franc, Pavlović, 2019].

Для определения и понимания неравенства важно признание многоаспектности данного феномена, которое позволяет говорить о его разновидностях. Во-первых, неравенство может принимать различные формы (*экономическое, социальное, политическое и др.*) в зависимости от того, о распределении/доступе к каким ресурсам мы говорим [McKay, 2002; Stewart, Samman, 2014]. Во-вторых, исследователи различают *вертикальное неравенство*, существующее между отдельными субъектами, и *горизонтальное* — между странами или группами внутри одного общества (например, этническими, религиозными или гендерными) [Jasso, Kotz, 2008; Stewart, 2005; Stewart, Samman, 2014]. Наконец, для проекта значимо внимание к сосуществованию *объективного и субъективно воспринимаемого* неравенства, которое также называется «воспринимаемой несправедливостью» [Jetten et al., 2017]. Под первым понимаются структурные ограничения в доступе индивидов или определенных социальных групп к экономическим, политическим и культурным ресурсам, а под вторым — идея несправедливости распределения указанных ресурсов в восприятии членов сообществ. Субъективные представления о неравенстве могут выражаться в ощущении неравного отношения, социального исключения, стигматизации, дискриминации, потери достоинства. Важно подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело с чувством неудовлетворенности именно по отношению к ситуации неравенства, которое интерпретируется как несправедливое [ibid.], что подчеркивается термином «субъективное неравенство». Субъективное восприятие группового неравенства может быть столь же важным, как и объективно измеренное неравенство, усугубляя уже сложившееся отношение к несправедливости и привилегиям [Stewart, 2000]. Стоит понимать, что эти два вышеуказанных измерения не связаны напрямую: ограниченность ресурсов может восприниматься как справедливая или обоснованная, и наоборот, чувство несправедливости может возникать в группах с широким объективным доступом к ресурсам.

Термин «**милье**» в социальной теории продолжает традицию признания роли окружения в становлении субъективности человека, заложенную еще Ч. Кули в его идее «зеркального Я» [Cooley, 1992] и получившую дальнейшее развитие в концепции «жизненного пространства» К. Левина [Lewin, 2013]. Последний расширил понимание факторов и агентов, во взаимодействии с которыми происходит становление идентичности, включив в них также и физическое окружение на разных уровнях (микро-, мезо- и макро-).

В рамках проекта «Диалоги о радикализации и равенстве» было выработано следующее понимание термина: милье включает в себя людей, физические и социальные условия, значимые события и сети коммуникаций, в которых кто-то действует или живет, и которые формируют субъективность (идентичность), выбор и траекторию этого человека на протяжении жизни [Pilkington, 2019]. Стоит подчеркнуть, что важнейшей частью анализа милье является изучение именно

субъективности, предполагающее внимание к тем интерпретациям, которые сами акторы дают своему жизненному пространству и происходящим в нем событиям.

Дискуссия о радикализме и неравенстве

Прочные ассоциации социального неравенства с такими социальными проблемами, как политическая нестабильность, насильственная преступность, низкий уровень социальной солидарности и доверия в обществе, дают основание рассматривать его в качестве одного из ключевых факторов радикализации [Uslaner, Brown, 2005; Wilkinson, Pickett, 2010]. На теоретическом уровне отмечается, что обращение к радикальным взглядам или методам может быть ожидаемым эффектом пессимистического мировоззрения и экзистенциальной неуверенности, порожденных высоким уровнем неравенства [Norris, Inglehart, 2004; Hohman, Hogg, 2015].

Исследователи, изучающие связь объективных показателей неравенства (таких как индекс Джини и индекс человеческого развития) с радикальными установками, ценностями и поведением, приходят к противоречивым выводам. Когда одни показывают, что рост экономического неравенства, операционализированного через коэффициент Джини, сопровождается ростом террористической активности [Ali, Li 2016; Krieger, Meierrieiks, 2016], другие оценивают эту связь как незначимую [Bove, Böhmelt, 2016; Ismail, Amjad, 2014; Piazza, 2006, 2012] либо даже отмечают негативную корреляцию неравенства и терроризма [Choi, Piazza, 2016].

Исследования, рассматривающие радикализацию в контексте социальной стратификации, как правило, отвергают распространенную точку зрения, что терроризм и экстремизм являются уделом бедных [Krueger, Laitin, 2008; Maleckova, 2005]. Напротив, подчеркивается, что как участники, так и основные симпатизанты радикальных взглядов и действий чаще всего происходят из относительно образованных и обеспеченных социальных страт [Krueger, Laitin 2008; Blair et al., 2013]. Вместе с тем Фархад Хосрохавар отмечает, что значимость экономического фактора как драйвера исламистской радикализации следует рассматривать в страновом контексте [Khosrokhavar, 2009: 11]. Имеются основания считать, что в странах с нестабильными политическими системами и/или раздираемых вооруженными конфликтами высокая безработица (или неполная занятость), зависимость от государственной помощи, неадекватная система общественного здравоохранения (особенно в развивающихся странах) более значимы для радикализации, чем собственно идеология и религия [Boukhars, Amar, 2011; Fearon, Laitin, 2003; Suleiman, Karim, 2015]. В отдельных исследованиях показано, как радикальные организации эксплуатируют социальные проблемы, предоставляя присоединившимся членам доступ к материальным и социальным ресурсам или возможность овладеть ими самостоятельно [Suleiman, Karim, 2015; Speckhard, Yayla, 2015].

Существует также консенсус относительно значимости так называемых горизонтальных неравенств [Stewart, 2000; Piazza, 2011], характеризующих социальное, экономическое и политическое положение групп, выделяемых на основании этничности, религии, страны, происхождения и других идентичностных маркеров. Структурные неравенства между этническими и религиозными меньшинствами

и большинством являются реальностью даже в относительно благополучных и эгалитарных странах «золотого миллиарда» [Heath, Rothon, Kilpi, 2008]. Опросы мусульман второго и третьего поколения в Европе [Muslims in the European Union..., 2006] подтверждают, что эта группа систематически сталкивается с дискриминацией на рынке труда, недостаточно представлена в общественной и политической жизни, испытывает на себе враждебность и недоверие к своему культурному и религиозному бэкграунду [Roy, 2017]. Возникающие вследствие этого чувства несправедливости и ресентимента, имеющие групповое измерение, могут стать драйвером радикализации даже для тех, чье индивидуальное благосостояние относительно высоко. Некоторые авторы делают особый акцент на аффективном измерении объективного неравенства как воспринимаемой реальности. Так, Майкл Дженсен и его коллеги подчеркивают, что материальное неравенство как таковое не является единственным драйвером радикализации, но всегда сопровождается личным или общественным кризисом [Jensen et al., 2016].

Отдельные исследователи отмечают, что наиболее надежным показателем, предсказывающим восприимчивость к радикальным взглядам, выступают относительные (а не абсолютные) неравенства и социально-экономическая изоляция образованной части населения. Так, исследование Марии М. Коумен показывает, что молодые марокканцы в Нидерландах имеют лучшие стартовые позиции по сравнению с родителями, но при этом у них все еще меньше возможностей на рынке труда и образования, чем у их нидерландских сверстников, и это делает их более восприимчивыми к радикализации, чем предшествующее поколение [Komen, 2014].

Эффект от объективной дискриминации может усиливаться субъективным восприятием неравенства. Согласно позиции Марка Сейджмена, повседневный опыт дискриминации мусульман может сочетаться и взаимно усиливаться теориями заговора и моральным возмущением, направленными на группы (предполагаемых) виновников этого положения [Sageman, 2008].

В других работах подчеркивается, что в европейских странах связь неравенства с радикализмом опосредована политическим недовольством, источником которого выступает комплексная ситуация постколониальной дискриминации, расизма и кризиса идентичности. Неслучайно в качестве аудитории, наиболее восприимчивой к радикальным месседжам, выделяются представители второго и третьего поколений мигрантов, остро переживающие свою инаковость и отчужденность как от принимающих обществ, так и от тех, с которыми ассоциируют себя их родители [Khosrokhavar, 2005]. Для них типичен разрыв между требованиями родительской культуры и культуры принимающего общества [Andre, Mansouri, Lobo, 2015; Roy, 2017]. Все это порождает у названной группы «статусную разочарованность и потерю самоидентификации» [Cottee, 2010].

Ряд исследователей выделяют глобальное измерение неравенства как важный драйвер радикализации. Так, во многих случаях структурное неравенство, воспринимаемое как несправедливое, укоренено в макроэкономическом неравенстве между глобальными Севером и Югом [Githens-Mazer, 2009; Ahmed, 2016; Inge, 2016]. С этой точки зрения терроризм и экстремизм отражают асимметричные отношения политического доминирования и сопротивления этому доминированию

[Ahmad, 2017: 119]. Это приводит к самоидентификации джихадиста как «искателя справедливости», призванного устранить несправедливый порядок, основанный на доминировании Запада и, в частности, США [Khosrokhavar, 2009].

Исследования, фокусирующиеся на взаимосвязи субъективного неравенства (воспринимаемой несправедливости) и радикализации, показывают, что эта связь может носить обратный характер — от радикализации к неравенству [Boyle, Songora, 2004]. Рост террористической активности способствует восприятию мусульман как ответственных за это насилие, что в свою очередь ведет к еще большей изоляции и депривации группы. Например, после атаки 9/11 в США существенно ухудшилось отношение к мусульманам: они стали чаще сталкиваться с дискриминацией при поиске работы и на рабочем месте, а также подвергаться вербальному харассменту [Barkdull et al., 2011]. Другие авторы подчеркивают, что контртеррористические мероприятия часто носят непропорциональный характер и рассматриваются как направленные против мусульман как таковых [Boyle, Songora, 2004; Bonino, 2015]. Тиражируемое прессой и политиками представление о том, что ислам и мусульмане представляют собой «проблему» для западных обществ, подрывает чувство принадлежности мусульманских граждан к странам, в которых они проживают [Boyle, Songora, 2004]. Терроризм также сказывается на социальном здоровье (личная и социальная идентичность) и социальном комфорте мусульман [Baker, 2007; Casimiro, Hancock, Northcote, 2007]. Чувство исключенности, возникающее у мусульман вследствие стигматизации и дискриминации, обусловленных террористическими актами и политикой секьюритизации, усиливает у этой группы приверженность исламу и подверженность радикальным идеям. Таким образом, возникает эффект замкнутого круга — радикализация порождает воспринимаемое неравенство, которое, в свою очередь, приводит к очередному витку радикализации [Abbas, Siddique, 2012].

Метаанализ количественных и качественных исследований взаимосвязи радикализации и экстремизма [Franc, Pavlović, 2018; Poli, Arun, 2019], проведенный в рамках исследовательского проекта DARE, позволил сделать важные наблюдения, которые слабо артикулируются в текущей академической дискуссии. Во-первых, отношение между неравенством и радикализацией носит обоюдный характер. Как это часто предполагается, неравенство производит радикализацию. Однако анализ качественных исследований показывает, что и радикализация также играет важную роль в производстве неравенства (объективного и субъективного).

Второй вывод касается соотношения между объективными и субъективными аспектами неравенства. Синтез качественных исследований позволяет предположить, что субъективные значения неравенства, восприятие своей позиции в отношениях власти как маргинальной, подчиненной, независимо от того, связано это с объективной ситуацией или нет, превалируют над объективными индикаторами неравенства в запуске процессов индивидуальной или групповой радикализации.

Наконец, значение, придаваемое субъективному опыту несправедливости в исследованиях радикализации, указывает на то, что последняя представляет собой скорее процесс, чем состояние. Переживание несправедливости воспринимается, интерпретируется и потенциально мобилизуется через множество других факто-

ров, включая социально-экономическую ситуацию, индивидуальный бэкграунд, семейные и дружеские связи, национальный контекст. Отсюда можно сделать вывод, что связь между неравенством и радикализацией сильно зависит от контекста и может варьировать от одного эмпирического случая к другому.

История и контекст исламистской радикализации на Северном Кавказе

У Северного Кавказа длительная история религиозного радикализма, сочетающего установки на построение теократического шариатского государства с идеями политической независимости от России. Еще в XIX веке горные районы Чечни и Дагестана стали ареной затяжной Кавказской войны, которая велась местными мусульманами против Российской империи под знаменами газавата — священной войны с неверными [Zelkina, 2002; Курбанов, 2004]. В 1930—1940-е годы горцы активно сопротивлялись давлению тоталитарного государства, которое пыталось через коллективизацию сельского хозяйства, борьбу с религией и обычаями, репрессии против административных элит и духовенства уничтожить привычный образ жизни горских народов [Коллективизация и антиколхозные..., 2007]. В конце Великой Отечественной войны чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы были депортированы в Центральную Азию и Сибирь [Полян, 2001]. Коллективная травма депортации сыграла важную роль в эскалации Чеченского конфликта 1990—2000-х годов.

В новейшей истории исламистской радикализации на Северном Кавказе можно выделить три этапа, каждому из которых соответствуют свой набор акторов, идеологическая направленность, методы и территориально-географический контекст.

Первая Чеченская война велась чеченскими инсургентами под руководством Джохара Дудаева и Аслана Масхадова против федеральных сил под лозунгами независимости Чеченской республики Ичкерия. Основной идеологией сепаратистов был этнический национализм. Исламский фактор играл важную роль в консолидации чеченского сопротивления и привлечении финансовых и человеческих ресурсов из мусульманских стран. Однако на этом этапе радикальные группы исламистской направленности не заявляли о себе как о самостоятельной силе и формально подчинялись светскому руководству самопровозглашенной Ичкерии.

К концу Второй чеченской войны конфликт распространился на территорию всего Северного Кавказа. Потерпев поражение в прямых столкновениях с федеральной армией и ополчением, боевики перешли к диверсионно-террористической войне. Идеологической доминантой этого этапа стал джихадизм, а целью — построение независимого шариатского государства, включающего все мусульманские республики региона [Dobaev, 2009; Markedonov, 2010]. В это время институционализировались исламистские группировки («Имарат Кавказ», «Джамаат Шариат», «Кабардино-Балкарский джамаат»), организованные по сетевому принципу. Их исполнительным звеном стали локальные ячейки — джамааты, которые рекрутировали местных резидентов [Yarlykarov, 2010; Поляков, 2015].

Третий этап характеризуется значительным снижением активности радикальных групп на Северном Кавказе, что связано, во-первых, с организационным разгромом многих сетевых джихадистских структур и уничтожением их лидеров, а во-вторых, с появлением так называемого Исламского государства (запрещен-

ного в РФ), вследствие чего значительная часть радикалов выехала на территорию Сирии и Ирака [Stephens, 2016; Youngman, 2016].

Нынешний этап можно назвать периодом относительного затишья. Однако большинство региональных экспертов и исследователей сходятся во мнении, что оно носит временный характер, поскольку не устранены системные факторы радикализации: низкое качество государственного управления, коррупция и приватизация социальных лифтов местными элитами, бесконтрольная деятельность силовых структур, приводящая к массовому нарушению прав человека [Ratelle, Souleimanov, 2017; Круглый стол..., 2016; Benedek, 2018]. Отмечается также, что сам по себе длительный конфликт на Северном Кавказе служит предпосылкой для возникновения новых конфликтов ввиду накопленной критической массы неразрешенных противоречий и взаимных обид [Стародубовская, 2015].

Методология и выборка исследования

Цель проекта «Диалоги о радикализации и равенстве», в рамках которого было осуществлено данное исследование, — понять, как радикализация оказывает влияние на молодых людей в разных европейских странах и как они отвечают на призывы к радикализации. В данной статье представлены результаты российского кейса исламистской радикализации, в котором в качестве объекта было выбрано так называемое второе городское поколение северокавказской молодежи — дети и младшие братья мигрантов из сёл северокавказских республик, переехавших в большие города внутри и за пределами Северного Кавказа [Круглый стол..., 2016]. Это поколение рассматривается как обладающее особой чувствительностью к политизированным версиям ислама, включая его радикальные формы [Yarlykarov, 2010; Круглый стол..., 2016]. По имеющимся данным, выходцы из этого милье доминируют среди молодых людей, уехавших воевать в Сирию на стороне запрещенного в России Исламского государства [Круглый стол..., 2016].

Исходным пунктом рекрутинга стали молодые мужчины, объединенные схожими контекстом взросления и условиями существования, связанные происхождением или семейной памятью с регионом, в котором притеснения на религиозной почве и борьба за независимость под религиозными лозунгами являются формативной частью исторического гранд-нарратива. Они, в отличие от родителей, выросли и были воспитаны в религии. Объединяет этих мужчин также миграция — индивидуальная или в составе семьи — в российские мегаполисы, которая сопряжена с ослаблением семейных и соседских социальных связей и необходимостью включения в новое социальное окружение. Изначально мы делали акцент на информантах, проживающих за пределами Северного Кавказа, так как рассматривали их как своего рода экстремальный случай, воплощающий в ярко выраженном виде ключевые черты второго городского поколения. К ним относятся разрыв с родительским сельским бэкграундом и связанное с этим межпоколенческое напряжение, социальное одиночество, возникающее от проживания в не всегда толерантной, а зачастую и откровенно враждебной иноэтничной и иномонархической среде, повсеместная дискриминация, сужающая горизонт карьерных возможностей и создающая ощущение стеклянного потолка. Однако методом снежного

кома в выборку включались наиболее значимые связи этих мужчин. Это привело к расширению географии проекта и включению в него информантов, которые не относятся к ядерной группе, однако тесно интегрированы в описанное милье.

Всего было собрано 21 полуструктурированное интервью с 20 молодыми мужчинами в возрасте от 20 до 30 лет. 18 респондентов родились в России, 1 — в Азербайджане, 1 — в Кыргызстане. В настоящее время 15 респондентов проживают в Санкт-Петербурге, 2 — в Махачкале, 1 — в Сургуте, 1 — в Москве, 1 — в Праге. Большинство респондентов (17) представляют народы Дагестана, из них 5 идентифицируют себя как аварцы, 2 — табасаранцы, 2 — лезгины, 2 — кумыки, 2 — азербайджанцы, 2 — даргинцы, 1 — лакец, 1 отказался назвать свою национальность. Также в числе участников исследования (по одному) — чеченец, выросший в Дагестане, ингуш и русский. Все респонденты исповедуют ислам, причем подавляющее большинство относят себя к практикующим верующим. Среди направлений ислама в выборке представлены салафизм, суфизм, шиизм, «просто мусульмане».

Собранные данные обрабатывались и анализировались с помощью программы NVivo. На первом этапе была разработана кодировочная сетка, включавшая 26 тематических категорий, отражавших различные аспекты повседневной жизни и биографического опыта информантов, их ценностные установки, политические и идеологические аффилиации, общее видение ситуации в мире и стране, отношение к радикализму, экстремизму и мерам по их предотвращению и профилактике. Кодировочная сетка была единой для всех команд в рамках рабочего пакета «Исламистская радикализация», для того чтобы впоследствии можно было провести межстрановые сравнения кейсов. В то же время каждая команда имела право добавить собственные категории (не более трех), отражающие специфику конкретного кейса. В российском кейсе были добавлены категории «Спорт» и «Локальность». Внутри каждой категории проводилось сплошное кодирование с выделением кодов в логике обоснованной теории [Strauss, Korbin, 1997].

Сбор и анализ материала соответствовали этическим требованиям проекта. Все участники были ознакомлены с информацией о проекте, давали устное информированное согласие на участие в нем.

Результаты исследования

В собранных нарративах информанты рассуждали о распространении радикализированных идей и версий ислама среди северокавказской молодежи в контексте как республик Северного Кавказа, так и городов за его пределами. При этом анализ показал, что информанты проводят четкое различие между двумя траекториями радикализации. «Домашняя» радикализация, затрагивающая молодежь, проживающую на Северном Кавказе, воспроизводит логику замкнутого круга, когда борьба с терроризмом в этом регионе приводит к множеству злоупотреблений со стороны силовых структур и порождает чувство несправедливости, таким образом еще больше радикализуя молодых людей. Радикализация молодых мужчин, проживающих за пределами Северного Кавказа, порождена относительным горизонтальным неравенством, имеющим социально-экономическую подоплеку и усиленным межпоколенческим напряжением внутри нуклеарной семьи.

«Домашняя» радикализация

Проблема «домашней» радикализации в нарративах второго городского поколения северокавказской молодежи рассматривается в контексте сформировавшейся в регионе атмосферы тотального насилия и страха, главной причиной которой считается предоставление силовым структурам (силовикам) неограниченных полномочий по «борьбе с терроризмом». Именно бесконтрольная власть силовиков в общественной жизни региона лежит в основе выстраиваемой нашими собеседниками картины несправедливого общества, каким, по их мнению, является современный Северный Кавказ. Информанты повторяют оценку ситуации, которую неоднократно давали исследователи и правозащитники: борьба с джихадистским подпольем ведется с грубым нарушением прав человека и применением самых жестких методов. Легальные институты защиты прав человека слабо функционируют, выстроенная в регионе система круговой поруки препятствует возбуждению уголовных дел в отношении представителей республиканских властей и силовых ведомств.

В представлениях информантов любая открытая критика действий властных структур может привести к жестким ответным мерам со стороны последних. Эта ситуация чаще всего описывается информантами как «беспредел»:

Да, после этого случая один из моих близких друзей... Когда нарушил закон и тебя осудили — это одно дело... Просто подбросили ему какие-то патроны, человека посадили, там отсидел он 4 месяца в СИЗО, пока дело шло. Дали год условно. Таких примеров среди общества — очень много таких примеров. <...> По любому из знакомых кто-то есть, кого посадили, беспредел какой-то, сплошь и рядом этот беспредел у нас присутствует». (Информант 1, мужчина, 25 лет)

«Беспредел» обозначает крайнюю форму насилия, задевающую человеческое достоинство и/или групповую идентичность — принадлежность к религиозной группе, семье, роду. Это слово в нарративах информантов имеет четкую локализацию: оно описывает исключительно системное насилие силовых органов на территории Северного Кавказа:

Интервьюер: А вы считаете, что Россия — справедливое государство, здесь справедливо относятся к людям, неважно, мусульманам или немусульманам?

Информант: Да, за исключением Дагестана и Чечни, потому что там не действует российское правительство, и они там совершенно отдельно живут. То есть я ничего не имею именно против этих людей, я, естественно, их братьями считаю, но сама полиция, они открыто говорят: «Какой закон? Какой закон Российской Федерации? Я сам закон!» То есть они ловят человека, заставляют его водку выпить, понимаете, «не выпьешь, тебя в шестое отделение отвезем». А ребята ради того, чтобы не умереть, допустим, им приходится пить. (Информант 2, мужчина 23 года)

Символом «беспредела» стало убийство представителями силовых структур двух юношей-пастухов — братьев Гасангусейновых — в селе Гоор-Хендах Шамильского района Дагестана 23 августа 2016 г. По официальной версии, в ответ на требова-

ние предъявить документы братья открыли огонь и в ходе перестрелки были убиты. Родственники и односельчане погибших утверждали, что молодые люди не имели никакого отношения к джихадистскому подполью. Убийство вызвало большой общественный резонанс в республике. В некоторых интервью, а также в ряде других исследований этот случай прямо назывался в качестве одной из причин радикализации:

Ну взять, допустим, случай в Дагестане, когда расстреляли двух молодых ребят, одному 16, другому 17—18 лет, их втупую просто расстреляли и просто сказали: они не имели никакого отношения к ваххабитам, террористам, но до сих пор на эту тему не было разбирательств, никто не понес наказания, то есть все списали на это. (Информант 3, мужчина, 26 лет)

«Война с терроризмом» порождает не только прямое насилие, но и другие формы преследования заподозренных в связях с исламистским подпольем. В 2016 г. в Дагестане республиканским МВД был введен так называемый профучет (превентивная регистрация) религиозных экстремистов, который в народе называется «вах-учетом» (учетов ваххабитов)¹. Основанием для постановки на профучет может быть неконвенциональный внешний вид — борода без усов, подкатанные штаны, посещение «подозрительной» мечети или личная неприязнь сотрудников полиции:

Меня поставили на учет за то, что я был с бородой, переходил улицу там, сотрудник остановил. Ну, в основном [когда] ставили на учет, обманули, [сказали, что] официально разыскивался преступник, из-за бороды — ничего плохого нет, садись, все нормально, мы тебя отвезем, довезем обратно, просто тебя проверим по базе. (Информант 7, мужчина, 26 лет)

Еще один мой старый знакомый, тоже на него наехали, он был на учете, он там позвонил с сотрудником, он на него наехал, заставил открыть дом и подкинул там что-то. У нас в Дагестане каждый с этим сталкивается. (Информант 1, мужчина, 25 лет)

Молодые люди, состоящие на учете, сталкиваются с множеством проблем в повседневной жизни: их регулярно задерживают при пересечении административных границ, им нельзя устроиться в государственные учреждения или вести бизнес, связанный с госзакупками. Часто в такой же ситуации оказываются и их родственники. Хотя официально профучет был отменен в 2017 г., по информации правозащитных организаций, негласно он существует до сих пор, что подтверждается нашими информантами.

Благодаря включенности молодых дагестанцев во множественные семейные, родственные и дружеские сети, такие ситуации быстро приобретают надындивидуальное значение, подпитывая массовое чувство несправедливости:

¹ Сокирянская Е. Можно ли предотвратить новые волны радикализации на Северном Кавказе? Радикализация и ее профилактика в Чечне, Ингушетии, Дагестане и Кабардино-Балкарии // Кавказский узел. 2019. 30 января. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/mojno_li_predotvratit_novie_radikalisazii/ (дата обращения: 02.06.2020).

Самое главное, что мои друзья видят, не обязательно же почувствовать лично к себе несправедливость... Допустим, мои друзья знают, что меня на профучет поставили по беспределу, позвали в РОВД пройти — опросить, опросили, сказали: «Все нормально, все хорошо, иди», а потом через некоторое время я узнал, что на учете. То есть что они сделали? Они меня притеснили как законопослушного гражданина, они, можно сказать, сделали мне проблему. Естественно, несправедливость, от этого ненависть появляется, кто-то еще несправедливость видел, какая-то ненависть. (Информант 4, мужчина, 26 лет)

Из-за повышенного внимания правоохранителей к религиозной атрибутике несправедливость фреймируется представителями второго городского поколения как сфокусированная на конкретной группе — соблюдающих мусульманах:

Здесь дагестанская полиция больше думает о своем кармане, о своих погонах и притесняет таких молодых крепких ребят, братьев-мусульман, как сказать... таких верующих людей. (Информант 4, мужчина, 26 лет)

Описанная ситуация в нарративах информантов представляется наиболее вероятной причиной крайних форм поведенческой радикализации, в частности нападений и убийств сотрудников правоохранительных органов, что, в свою очередь, влечет ответную волну репрессий и дискриминации соблюдающих мусульман. Таким образом, воспроизводится логика замкнутого круга:

Нет, речь о том, что есть Россия, а есть [республика на Северном Кавказе]. Смысл в чем, то всякие радикальные группы, что они делают, — они провоцируют государство. Везде есть такие люди, радикальные, которые провоцируют государство, а государство уже, силовые, оно уже не разделяет, всех под одну гребенку гребет. Если бы, конечно, они бы разделяли конкретно, то вообще бы было идеально. Нас, обычных мусульман, от тех. (Информант 6, мужчина, 29 лет)

Важно подчеркнуть, что в нарративах о домашней радикализации артикулируется связь между несправедливым насилием и структурами горизонтального неравенства, отражающими положение мусульман в России и асимметрию в отношениях Северного Кавказа с Москвой.

В первом случае мусульмане описываются как дискриминируемое и стигматизируемое меньшинство, выступающее объектом непропорциональной подозрительности и нападков. В сравнении с другими религиозными группами они обладают меньшим объемом политических прав (свобода слова, свобода совести):

Инф.: Взять, допустим, христиан или иудеев, буддистов, пятидесятников, Свидетелей Иеговы взять, это же вообще кошмар. Почему к ним такого пристального внимания нет, а как мусульмане, так сразу?

Инт.: А почему, ты можешь объяснить?

Инф.: Я могу это объяснить, потому что пытаются очернить ислам, это мое личное мнение. Пытаются очернить ислам. И нету такого правителя, по сей день, который выступил бы в его защиту. Как по мне, защитников, которые выступают, нету ни в России...

ну, в России-то понятно, в России будешь выступать, тебя в лучшем случае там найдут и скажут: «Замолчи!» И все. У нас нету свободы слова, давно нету этого. Это просто в Конституции прописано там все. А по факту не соблюдается. Вот и все. (Информант 5, мужчина, 24 года)

Во втором случае речь идет о неравенстве, вытекающем из особой конфигурации отношений с федеральным центром, который, по мнению информантов, отказывает республике в минимальной политической автономии и делает ставку на силовое принуждение к лояльности. Это приводит к тому, что население Северного Кавказа оказывается фактически ограниченным в правах, которыми обладают жители других российских регионов, особенно Москвы и Санкт-Петербурга:

То есть, грубо говоря, не то, что в Америке, я тебе могу привести пример даже по России. Из Дагестана ребята выезжают и в Москву, и в Питер, и там они могут спокойно и штаны подкоротить, и бороду оставить — такие внешние исламские атрибуты сделать спокойно, и им за это ничего не будет. А если в Дагестане так начнешь ходить, могут где-то задержать, на профучет поставить, даже если ты никакие действия не совершал, а просто так ходишь обычно в городе с бородой, они могут за это запросто на учет поставить. А так, в Москве и в Питере в этом плане намного спокойней. Грубо говоря, ты хоть там бороду оставь в Москве, к тебе никто из полицейских не подойдет, ничего не скажет. (Информант 4, мужчина, 26 лет)

Экономическое неравенство также фигурирует в нарративах о «домашнем» радикализме, однако ему отводится сравнительно скромное место. Основной акцент делается не на материальной лишенности, а на отсутствующих возможностях для самореализации молодых людей:

Религия — это то, благодаря чему можно человека заманить. У нас же на Кавказе молодежь, она такая, потенциальная, и ребятам хочется чего-то такого сделать. В тех рамках, которые сейчас есть в Дагестане, нет работы, негде себя реализовать. А вот тут, например, они начинают знакомиться с религией, а их кто-то уводит не туда. А у них кипит внутри, они хотят делать что-то хорошее, им кажется, что они едут туда делать что-то хорошее. (Информант 7, мужчина, 23 года)

Таким образом, «домашняя» радикализация объясняется через социально-политическую ситуацию в регионе: неограниченные полномочия «силовиков» в рамках борьбы с террором порождают многочисленные злоупотребления и нарушения гражданских прав. Несправедливое насилие вписано в структуру горизонтальных неравенств, отражающих положение мусульман как дискриминируемого и стигматизируемого меньшинства, а также неравноправное положение Северного Кавказа относительно других регионов.

Статусная фрустрация и межпоколенческое напряжение

В нарративах, описывающих опыт радикализации в условиях больших городов, на первый план выходит горизонтальное неравенство — дискримина-

ция, с которой выходцы с Северного Кавказа сталкиваются при поиске работы и на рабочем месте:

И был такой случай, когда я устраивался в органы, и прямо рядом с ними была организация, энергетическая организация. И одновременно, я думал, буду искать параллельно работу и устроюсь туда. И там мне дали отказ. Я как-то в разговоре с работниками этой структуры сказал, что я хотел туда устроиться, подал документы, но похоже, что мне не дадут ответа. Они позвонили туда и им сказали, что «нет, мы не хотим», то-сё... И просто причина была, они мне четко дали понять, что причина в том, что я дагестанец. И у моего друга, который окончил, допустим, юридическую академию и устроился в Петербурге в органы, ему дали официальную бумагу, где сказано, что есть негласное соглашение лиц с Северного Кавказа не принимать. (Информант 8, мужчина, 27 лет)

Источником радикальных настроений в данном случае выступает статусная фрустрация — неудовлетворенность позицией в обществе, которая определяется возможностью выстроить самостоятельную профессиональную карьеру. Часто информанты подчеркивают, что неудовлетворенность возникает вследствие разрыва между низким индивидуальным статусом и относительно высоким статусом семьи. Так, практически во всех нарративах о поездках в Сирию фигурируют молодые люди, занятые в сегменте неквалифицированного и низкооплачиваемого сервисного труда (охранники, продавцы, торговые представители), но при этом происходящие из состоятельных семей:

Он работал охранником в Макдональдсе, жил с сестрой, с мамой как бы, да, молодой красивый парень был, 20 лет, туда уехал. И сразу же его там убили, и всё. (Информант 8, мужчина, 29 лет)

Вне интервью сказал, что он не хочет брать деньги у отца, который занимается строительным бизнесом, несмотря на то что его семья достаточно состоятельная. А вот его старшие братья, что один, работающий в полиции, что другой, бизнесмен, не стесняются это делать. (Запись полевого дневника, Информант 2)

Важным элементом предлагаемой информантами объяснительной модели является межпоколенческое напряжение. Невозможность состояться в принимающем обществе усугубляется конфигурацией отношений власти-подчинения внутри семьи, предполагающей безоговорочное подчинение младших старшим, непререкаемый авторитет отца и эмоциональное отчуждение между отцами и сыновьями, повышенную требовательность к формальным показателям успешности в спорте или учебе, контроль семьи над всем этапами жизненной карьеры человека — от выбора места работы до поиска невесты:

Наверное, у нас в семье отношения опять-таки самые традиционные, как принято в Дагестане. С отцом мы созваниваемся сейчас, да и в принципе, живя в Дагестане, мы общались с ним, у нас всегда были хорошие отношения, но при этом отец никогда со мной не сюсюкался и никогда со мной просто так лишний раз не разговаривал.

Как-то так получалось, что мы всегда разговаривали по делу. (Информант 8, мужчина, 27 лет)

А таможенное направление почему выбрал, ну вот тоже такой вопрос... Скорее всего, наверное, выбирал не я, выбирал отец. Как и в большинстве случаев, когда тебе 17 лет, ты заканчиваешь школу, ты особо не осознаешь, куда тебе поступать. Тебе тупо говорят, а ты слушаешь. Ну, я такой человек — если мне там сказали, например, поставили цель какую-то определенную, окончить, например, я иду по этой цели, просто оканчиваю, хотя бы, по крайней мере, чтобы не подвести даже своих родителей, своих родных. (Информант 9, мужчина, 25 лет)

Вместе с тем переезд семьи за пределы Северного Кавказа размывает ресурсные и идеологические основания родительской власти. Так, в стремлении контролировать поведение своих детей родители не могут опереться ни на ресурсы расширенной семьи (дедушек, бабушек, дядей и тетей), ни на поддержку соседского окружения, часто безразличного или враждебного по отношению к этническим «чужим», ни на авторитет религиозных институтов. Из биографических нарративов можно понять, что в реальности авторитарные семьи часто не способны совладать даже с простейшими проявлениями неконформности со стороны детей. Например, многие информанты вспоминали, что, если они в детстве часто дрались со сверстниками или плохо учились в школе, родители просто отправляли их на один-два года пожить у родственников в дагестанском селе, так как сами не могли обеспечить «жесткого» воспитания. О том, что их сын увлечен радикальными идеями из-за отсутствия коммуникации в семье, родители узнавали позже от друзей и даже младших родственников и, как правило, никак не реагировали на эту информацию, демонстрируя «родительскую неопределенность» (parental uncertainty) [Sikkens et al., 2018].

В нарративах зафиксированы две типичные реакции на эту ситуацию. Во-первых, в большом городе у молодых людей с северокавказским мусульманским бэкграундом запускаются идентификационные процессы «поиска себя», составной частью которых является критическая рефлексия относительно легитимности культурных, политических и религиозных оснований как родительской власти, так и социального порядка принимающего общества. Кроме того, как отмечают исследователи [Yarlykarov, 2010; Стародубровская, 2015, 2016], популярность «конфликтных» (то есть ориентированных на противостояние) версий фундаменталистского ислама среди городской северокавказской молодежи не в последнюю очередь связана с тем, что в нем молодые люди видят идеологическую основу для оспаривания поколенческих иерархий, которые препятствуют самореализации. Характерный для ислама акцент на индивидуальной, а не коллективной ответственности также способствует эрозии традиционных отношений, становлению индивидуальности в противовес растворению индивида в коллективе. Примеры таких межпоколенческих конфликтов мы можем найти и в нарративах информантов:

Инф.: Ну у меня уже нету, потому что я суннит, а для шиитов — это враг номер один, ну понятно, что не враг номер один, если я их не объявляю врагами. И, естественно, были проблемы с отцом, с матерью, с братьями.

Инт.: А что они вам говорили?

Инф.: Они говорили, что ты родился шиитом и должен быть шиитом. Я говорю: «Нет, Всевышний опроверг это. Всевышний запрещает следовать отцам, если они были в заблуждении. Всевышний в Коране запрещает». Это сура одиннадцатая, двенадцатый аят, если не ошибаюсь. (Информант 2, мужчина, 23 года)

Во-вторых, это эскапизм, подкрепленный верой в возможность реализации идеала справедливого общества. Информанты отмечают, что провозглашение так называемого Исламского государства было актом большого символического значения и сыграло важную роль в привлечении на сторону этой организации мусульманской молодежи, даже не испытывающей потребности в насилии:

Почему они поехали? Ну, потому что те люди, которые их звали туда, они им обещали хорошую жизнь, они им обещали праведное правосудие, то есть жизнь по шариату. Они им обещали машину, дома, они им говорили: «Вы приезжайте, мы будем тут строить государство, теперь тут мы будем устанавливать свои законы, все у нас будет по шариату». Но по факту, когда эти ребята туда приезжали, через какое-то время они понимали, что это обман, просто красивая сказка. (Информант 3, мужчина, 26 лет)

Заключение

Наше исследование выявило, что в нарративах второго городского поколения мусульманской молодежи существуют разные интерпретации роли неравенства в процессах исламской радикализации. Радикализация молодежи, проживающей в северокавказских республиках, интерпретируется как кумулятивная, то есть как ответная реакция на притеснения по отношению к ней. Основными субъектами этого притеснения видятся силовые структуры, получившие широкие полномочия в рамках профилактики борьбы с терроризмом. Злоупотребления властью и превышение полномочий этими структурами по отношению к религиозной молодежи, с точки зрения информантов, ведут к растущему чувству несправедливости и усилению радикальных настроений. При этом подчеркивается субъективная интерпретация связи несправедливости с горизонтальным неравенством как в отношении мусульман по сравнению с другими религиозными группами, так и в отношении северокавказских республик. В первом случае мусульмане видятся как дискриминируемая группа в сравнении с представителями других конфессий, а во втором речь идет о диспропорции политических полномочий между республиками Северного Кавказа и федеральным центром.

При интерпретации причин радикализации молодежи, переехавшей за пределы региона, подчеркивается роль структурной фрустрации из-за опыта двойного исключения — со стороны принимающего общества (дискриминация на рынке труда, доступ к арендному жилью и т. д.), а также со стороны родительской семьи, стремящейся контролировать своих младших членов и навязывающей им собственные представления о самореализации и карьере. Переход к радикальным идеям и вступление в сообщества с такими идеями позволяет выстраивать альтернативные модели самореализации и на символическом уровне преодолевать структурные ограничивающие факторы.

Список литературы (References)

- Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927—1940 гг.). Документы и материалы / сост. Г. И. Какагасанов. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. Collectivization and Anti-farm Opposition in Dagestan (1927—1940). Documents and Materials. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2007. (In Russ.)
- Курбанов Р. Расползание джихада: первичные факторы и масштабы радикализации ислама на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 6. С. 51—58. Kurbanov R. (2004) Distribution of Jihad: Primary Factors and the Extent of Islamic Radicalization in the North Caucasus. *Central Asia and the Caucasus*. Vol. 36. No. 6. P. 51—58. (In Russ.)
- Поляков Е. М. «Бoko харам», «Имарат Кавказ» и «Аль-Шабаб»: общее и особенное в практиках терроризма и политического насилия // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 3. С. 37—45. <https://doi.org/10.5862/JHSS.227.4>.
- Polyakov E. M. (2015) “Boko Haram”, “The Caucasus Emirate” and “Al-Shabab”: Common and Specific in Practices of Terrorism and Political Violence. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. No. 3. P. 37—45. <https://doi.org/10.5862/JHSS.227.4>. (In Russ.)
- Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. ОГИ; Мемориал, 2001. Polyan P. M. (2001) “Not by Choice...” History and Geography of Forced Migrations in the USSR. Moscow: OGI; Memorial. (In Russ.)
- Круглый стол «Причины радикализации части молодежи и противодействие идеологии ИГИЛ на Северном Кавказе» // Правозащитный центр «Мемориал». 2016. 23 августа. URL: <https://memohrc.org/ru/news/kruglyy-stol-prichiny-radikalizacii-chasti-molodezhi-i-protivodeystvie-ideologii-igil-na> (дата обращения: 02.06.2020). Round Table “Reasons for the Radicalization among Part of Youth and Opposition to ISIS Ideology in the North Caucasus”. “Memorial” Human Rights Centre. 2016. August 23rd. URL: <https://memohrc.org/ru/news/kruglyy-stol-prichiny-radikalizacii-chasti-molodezhi-i-protivodeystvie-ideologii-igil-na> (дата обращения: 02.06.2020). (In Russ.)
- Стародубровская И. В. Как бороться с радикализмом молодежи на Северном Кавказе? // Общественные науки и современность. 2015. № 6. С. 84—96. Starodubrovskaya I. V. (2015) How to Fight Youth Radicalism in the North Caucasus. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 6. P. 84—96. (In Russ.)
- Стародубровская И. В. Социальная трансформация и межпоколенческий конфликт (на примере Северного Кавказа) // Общественные науки и современность. 2016. № 6. С. 111—124. Starodubrovskaya I. V. (2016) Social Transformation and Intergeneration Conflict (the Example of the North Caucasus). *Social Sciences and Contemporary World*. No. 6. P. 111—124. (In Russ.)

Abbas T., Siddique A. (2012) Perceptions of the Processes of Radicalisation and De-Radicalisation among British South Asian Muslims in a Post-Industrial City. *Social Identities: Journal for the Study of Race, Nation and Culture*. Vol. 18. No. 1. P. 119—134. <https://doi.org/10.1080/13504630.2011.629519>.

Ahmad I. (2017) Injustice and the New World Order: An Anthropological Perspective on 'Terrorism' in India. *Critical Studies on Terrorism*. Vol. 10. No. 1. P. 115—137. <https://doi.org/10.1080/17539153.2016.1219532>.

Ahmed S. (2016) Citizenship, Belonging and Attachment in the 'War on Terror'. *Critical Criminology*. Vol. 24. No. 1. P. 111—125. <https://doi.org/10.1007/s10612-015-9279-2>.

Ali G., Li Z. (2016) Role of Economic Factors in Terrorism in Pakistan. *Quality & Quantity: International Journal of Methodology*. Vol. 50. No. 5. P. 2237—2250. <https://doi.org/10.1007/s11135-015-0260-7>.

Andre V., Mansouri F., Lobo M. (2015) A Fragmented Discourse of Religious Leadership in France: Muslim Youth between Citizenship and Radicalisation. *Journal of Muslim Minority Affairs*. Vol. 35. No. 2. P. 296—313. <https://doi.org/10.1080/13602004.2015.1046743>.

Baker C. (2007) Globalization and the Cultural Safety of an Immigrant Muslim Community. *Journal of Advanced Nursing*. Vol. 57. No. 3. P. 296—305. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2648.2006.04104.x>.

Barkdull C., Khaja K., Queiro-Tajalli I., Swart A., Cunningham D., Dennis S. (2011) Experiences of Muslims in Four Western Countries Post-9/11. *Affilia*. Vol. 26. No. 2. P. 139—153. <https://doi.org/10.1177/0886109911405491>.

Benedek W. (2018) OSCE Rapporteur's Report under the Moscow Mechanism on Alleged Human Rights Violations and Impunity in the Chechen Republic of the Russian Federation Organization for Security and Co-operation. Vienna: Organization for Security and Co-operation in Europe. URL: https://www.osce.org/files/Moscow%20Mechanism%20Document_ENG.pdf (дата обращения: 02.06.2020).

Bizina M., Gray D. H. (2014) Radicalization of Youth as a Growing Concern for Counter-Terrorism Policy. *Global Security Studies*. Vol. 5. No. 1. P. 72—79.

Blair G., Christine Fair C., Malhotra N., Shapiro J. N. (2013) Poverty and Support for Militant Politics: Evidence from Pakistan. *American Journal of Political Science*. Vol. 57. No. 1. P. 30—48. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2012.00604.x>.

Boukhars A., Amar A. O. (2011) Trouble in the Western Sahara. *The Journal of the Middle East and Africa*. Vol. 2. No. 2. P. 220—234. <https://doi.org/10.1080/21520844.2011.618112>.

Bonino S. (2015) Visible Muslimness in Scotland: Between Discrimination and Integration. *Patterns of Prejudice*. Vol. 49. No. 4. P. 367—391. <https://doi.org/10.1080/0031322x.2015.1066978>.

Bove V., Böhmelt T. (2016) Does Immigration Induce Terrorism? *The Journal of Politics*. Vol. 78. No. 2. P. 572—588. <https://doi.org/10.1086/684679>.

Boyle E. H., Songora F. G. (2004) Formal Legality and East African Immigrant Perceptions of the 'War on Terror'. *Law & Inequality*. Vol. 22. No. 2. P. 301—336.

Casimiro S., Hancock P., Northcote J. (2007) Isolation and Insecurity: Resettlement Issues among Muslim Refugee Women in Perth, Western Australia. *Australian Journal of Social Issues*. Vol. 42. No. 1. P. 55—69. <https://doi.org/10.1002/j.1839-4655.2007.tb00039.x>.

Choi S. W., Piazza J. A. (2016) Internally Displaced Populations and Suicide Terrorism. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 60. No. 6. P. 1008—1040. <https://doi.org/10.1177/0022002714550086>.

Cooley C. H. (1992) *Human Nature and the Social Order*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.

Cottee S. (2010) Mind Slaughter: The Neutralizations of Jihadi Salafism. *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 33. No. 4. P. 330—352. <https://doi.org/10.1080/10576101003587176>.

Dobaev I. (2009) The Northern Caucasus: Spread of Jihad. *Central Asia and the Caucasus*. No. 1. P. 49—56.

Doosje B., Loseman A., van den Bos K. (2013) Determinants of Radicalization of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat. *Journal of Social Issues*. Vol. 69. No. 3. P. 586—604. <https://doi.org/10.1111/josi.12030>.

Muslims in the European Union: Discrimination and Islamophobia. Vienna: European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia, 2006.

Fearon J. D., Laitin D. D. (2003) Ethnicity, Insurgency, and Civil War. *American Political Science Review*. Vol. 97. No. 1. P. 75—90. <https://doi.org/10.1017/s0003055403000534>.

Franc R., Pavlović T. (2018) Systematic Review of Quantitative Studies on Inequality and Radicalisation. Luxembourg: Dialogue about Radicalisation and Equality.

Ganor B. (2005) *The Counter-Terrorism Puzzle: A Guide for Decision Makers*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.

Githens-Mazer J. (2009) The Blowback of Repression and the Dynamics of North African Radicalization. *International Affairs*. Vol. 85. No. 5. P. 1015—1029. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2009.00844.x>.

Heath A. F., Rothon C., Kilpi W. (2008) The Second Generation in Western Europe: Education, Unemployment, and Occupational Attainment. *Annual Review of Sociology*. Vol. 34. No. 1. P. 211—235. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.34.040507.134728>.

Hohman Z. P., Hogg M. A. (2015) Mortality Salience, Self-Esteem, and Defense of the Group: Mediating Role of in-Group Identification. *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 45. No. 2. P. 80—89. <https://doi.org/10.1111/jasp.12277>.

Inge A. (2016) *The Making of a Salafi Muslim Woman: Paths to Conversion*. Oxford: Oxford University Press.

Ismail A., Amjad S. (2014) Determinants of Terrorism in Pakistan: An Empirical Investigation. *Economic Modelling*. Vol. 37. P. 320—331. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2013.11.012>.

Jasso G., Kotz S. (2008) Two Types of Inequality: Inequality between Persons and Inequality between Subgroups. *Sociological Methods & Research*. Vol. 37. No. 1. P. 31—74. <https://doi.org/10.1177/0049124108318971>.

Jensen M., LaFree G., James P. A., Atwell-Seate A., Pisiou D., Stevenson J., Tinsley H. (2016) Empirical Assessment of Domestic Radicalisation (EADR). Final Report to the National Institute of Justice, Office of Justice Programs, U. S. Department of Justice. College Park, MD: START. URL: https://www.start.umd.edu/pubs/START_NIJ_EmpiricalAssessmentofDomesticRadicalizationFinalReport_Dec2016_0.pdf (дата обращения: 24.06.2020).

Jetten J., Wang Zh., Steffens N. K., Mols F., Peters K., Verkuyten M. (2017) A Social Identity Analysis of Responses to Economic Inequality. *Current Opinion in Psychology*. No. 18. P. 1—5. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.05.011>.

Khosrokhavar F. (2005) *Suicide Bombers. Allah's New Martyrs*. London; Ann Arbor, MI: Pluto Press.

Khosrokhavar F. (2009) *Inside Jihadism. Understanding Jihadist Movements Worldwide*. Boulder, CO: Paradigm Publishers.

Komen M. M. (2014) Homegrown Muslim Extremism in the Netherlands: An Exploratory Note. *Journal of Strategic Security*. Vol. 7. No. 1. P. 47—53. <https://doi.org/10.5038/1944-0472.7.1.4>.

Krieger T., Meierrieks D. (2016) Does Income Inequality Lead to Terrorism? *CESifo Working Paper Series*. No. 5821. URL: https://www.ifo.de/DocDL/cesifo1_wp5821.pdf (дата обращения: 02.06.2020).

Krueger A. B., Laitin D. D. (2008) Kto Kogo? A Cross-Country Study of the Origins and Targets of Terrorism. In: Keefer Ph., Loayza N. (eds.) *Terrorism, Economic Development, and Political Openness*. Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press. P. 148—173. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511754388.006>.

Lewin K. (2013) *Principles of Topological Psychology*. Redditch, UK: Read Books.

Markedonov S. M. (2010) *Radical Islam in the North Caucasus: Evolving Threats, Challenges, and Prospects*. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies.

Maleckova J. (2005) Impoverished Terrorists: Stereotype or Reality? In: Bjørge T. (ed.) *Root Causes of Terrorism. Myths, Reality, and Ways Forward*. London; New York, NY: Routledge. P. 33—42.

McDonald K. (2018) *Radicalization*. Cambridge: Polity Press.

McKay A. (2002) Defining and Measuring Inequality. *Inequality Briefing*. Briefing Paper No. 1. London: Overseas Development Institute. URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/3804.pdf> (дата обращения: 02.06.2020).

Norris P., Inglehart R. (2004) *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*. Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511791017>.

Pargeter A. (2009) Localism and Radicalization in North Africa: Local Factors and the Development of Political Islam in Morocco, Tunisia and Libya. *International Affairs*. Vol. 85. No. 5. P. 1031—1044. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2009.00845.x>.

Piazza J. A. (2006) Rooted in Poverty? Terrorism, Poor Economic Development, and Social Cleavages. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 18. No. 1. P. 159—177. <https://doi.org/10.1080/095465590944578>.

Piazza J. A. (2011) Poverty, Minority Economic Discrimination, and Domestic Terrorism. *Journal of Peace Research*. Vol. 48. No. 3. P. 339—353. <https://doi.org/10.1177/0022343310397404>.

Piazza J. A. (2012) Types of Minority Discrimination and Terrorism. *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 29. No. 5. P. 521—546. <https://doi.org/10.1177/0738894212456940>.

Pilkington H. (2016) *'Loud and Proud': Passion and Politics in the English Defence League*. Manchester: Manchester University Press.

Pilkington H. (2019) Engaging Young People in Talking about Extremism. Why? How? *Aalborg Universitet: Center for Ungdomsforskning*. May 22nd. URL: https://www.cefu.dk/media/615190/Engaging-young-people-in-talking-about-extremism-Why-How-21May-2019-edited-for-website-final_compressed-1-.pdf (дата обращения: 24.06.2020).

Poli A., Arun O. (2019) Report on the Meta-Ethnographic Synthesis of Qualitative Studies on Inequality and Youth Radicalisation. Luxembourg: Dialogue about Radicalisation and Equality.

Ratelle J. F., Souleimanov E. A. (2017) Retaliation in Rebellion: The Missing Link to Explaining Insurgent Violence in Dagestan. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 29. No. 4. P. 573—592. <https://doi.org/10.1080/09546553.2015.1005076>.

Roy O. (2017) *Jihad and Death: The Global Appeal of Islamic State*. New York, NY: Oxford University Press.

Sageman M. (2008) *Leaderless Jihad. Terror Networks in the Twenty-First Century*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.

Sedgwick M. (2010) The Concept of Radicalisation as a Source of Confusion. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 22. No. 4. P. 479—494. <https://doi.org/10.1080/09546553.2010.491009>.

Schmid A. P. (2013) Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review. ICCT Research Paper. The Hague: International Centre for Counter-Terrorism. URL: <http://www.icct.nl/download/file/ICCT-Schmid-Radicalisation-De-Radicalisation-Counter-Radicalisation-March-2013.pdf> (дата обращения: 02.06.2020).

Sikkens E., van San M., Sieckelinck S., de Winter M. (2018) Parents' Perspectives on Radicalization: A Qualitative Study. *Journal of Child and Family Studies*. Vol. 27. No. 7. P. 2276—2284. <https://doi.org/10.1007/s10826-018-1048-x>.

Speckhard A., Yayla A. S. (2015) Eyewitness Accounts from Recent Defectors from Islamic State: Why They Joined, What They Saw, Why They Quit. *Perspectives on Terrorism*. Vol. 9. No. 6. P. 95—118.

Stephens S. J. (2016) The Caucasus Emirate in the age of ISIS: A Short History of Islamic «States» in the North Caucasus. Beirut: American University of Beirut. URL: <https://scholarworks.aub.edu.lb/bitstream/handle/10938/11114/pj-1889.pdf> (дата обращения: 02.06.2020).

Stewart F. (2000) Crisis Prevention: Tackling Horizontal Inequalities. *Oxford Development Studies*. Vol. 28. No. 3. P. 245—262. <https://doi.org/10.1080/713688319>.

Stewart F. (2005) Horizontal Inequalities: A Neglected Dimension of Development. In: Shorrocks A. F. (eds.) *Wider Perspectives on Global Development. Studies in Development Economics and Policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 101—135. https://doi.org/10.1057/9780230501850_5.

Stewart F., Samman E. (2014) Inequality and Development: An Overview. In: Currie-Alder B., Kanbur R., Malone D. M., Medhora R. (eds.) *International Development: Ideas, Experience, and Prospects*. Oxford; New York, NY: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199671656.003.0007>.

Strauss A. L., Corbin J. M. (eds.) *Grounded Theory in Practice*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.

Suleiman M. N., Karim M. A. (2015) Cycle of Bad Governance and Corruption: The Rise of Boko Haram in Nigeria. *Sage Open*. Vol. 5. No. 1. <https://doi.org/10.1177/2158244015576053>.

Uslaner E., Brown M. (2005) Inequality, Trust, and Civic Engagement. *American Politics Research*. Vol. 33. No. 6. P. 868—894. <https://doi.org/10.1177/1532673x04271903>.

Wilkinson R., Pickett K. (2010) *The Spirit Level: Why Equality is Better for Everyone*. London: Penguin.

Yarlykapov A. (2010) The Radicalization of North Caucasian Muslims. In: Dannreuther R., March L. (eds.) *Russia and Islam: State, Society and Radicalism*. Abingdon: Routledge. P. 137—154.

Youngman M. (2016) Between Caucasus and Caliphate: The Splintering of the North Caucasus Insurgency. *Caucasus Survey*. Vol. 4. No. 3. P. 194—217. <https://doi.org/10.1080/23761199.2016.1215055>.

Zelkina A. (2002) Jihad in the Name of God: Shaykh Shamil as the Religious Leader of the Caucasus. *Central Asian Survey*. Vol. 21. No. 3. P. 249—264. <https://doi.org/10.1080/0263493022000039971>.